

ИССЛЕДОВАНИЯ МЕНЬШИНСТВ ЯПОНИИ

ЭО, 2007 г., № 2

© С. А. Арутюнов

ЭТНОС БЕЗ ЭТНИЧНОСТИ: АЙНЫ СЕГОДНЯ

Кто такие айны, читателям "Этнографического обозрения", наверное, объяснять не надо. Живут они на о-ве Хоккайдо, на крайнем севере Японии, в двух-трех десятках поселков со смешанным айнско-японским населением. Когда-то айнов было гораздо больше, чем сейчас, и они еще около 10 веков тому назад занимали всю северную половину Японии. Но последняя тысяча лет была временем их непрерывного вытеснения и истребления. Сахалинские айны переехали на Хоккайдо в 1946 г. В 1941 г. умер последний курильский айн. И язык айнов, и их физический облик с очень интенсивным ростом бороды и усов у мужчин резко отличают их не только от ближайших соседей-японцев и народов Восточной Азии, но и от всех других народов. Правда, в ходе долгого смешения типичные "чистые" айны стали уже редкостью, зато встречаются японцы, вполне похожие на айнов.

До недавнего времени многие ученые полагали, что айны являются ответвлением европеоидов, оказавшихся на островах Северо-Восточной Азии в ходе каких-то древних миграций. Но сегодня доказано, что некоторые внешние моменты их сходства с европейцами конвергентны. В настоящее время в науке общепринято мнение, что в лице айнов мы можем видеть реликт домонголоидного протоавстралоидного населения Восточной Азии, на базе которого в ходе адаптации к аридизации ее внутренних, континентальных районов сложились собственно монголоидные типы, в дальнейшем ставшие доминирующими на всей восточной половине Евразийского континента.

Айны, таким образом, являются предмонголоидами, не воспринявшими или только в малой мере воспринявшими более поздние, собственно монголоидные черты (*Трофимова* 1932; *Kozintsev* 1993; *Arutiunov* 1999). Они могут быть сопоставлены с другими изолятами – реликтами популяций, некогда имевших более широкое распространение, но оттесненных в узкие рефугиумные ниши на островных и полуостровных окраинах больших континентальных масс. Таковы саамы Северной Скандинавии, баски в Пиренеях, гуанчи на Канарах, аборигены Андаманских о-вов, бушмены Южной Африки, огнеземельцы, тасманийцы и др. Все такие группы представляют особый интерес для этнографов и антропологов. Одни из них, увы, уже исчезли в результате ассимиляции и просто вымирания, другие всячески пытаются отстоять свое существование и самобытность.

Загадочность происхождения айнов, их колоритный сказочный, песенный и танцевальный фольклор, их самобытное прикладное искусство, в особенности резьба по дереву, уже более полутора веков привлекают к себе неослабное внимание как исследователей-этнографов, так и многочисленных туристов, посещающих север Японии.

Проблемы происхождения айнов, их культуры и языка начали интересовать меня еще в школьные годы, т.е. 60 лет тому назад. Будучи в аспирантуре, я даже опубликовал несколько статей на эту тему на основе японских источников (*Арутюнов* 1955).

Но только в 1960 г. мне удалось попасть на Хоккайдо и пару недель провести в айнских поселках, собирая этнографический материал, а еще через 33 года, в 1993 г., вышла в свет давно задуманная и долго писавшаяся книга (Арутюнов, Шебеньков 1993).

В 1960-е годы от традиционного айнского хозяйства – охоты и рыболовства – уже почти ничего не осталось. Большинство айнов перешло к возделыванию риса, картофеля, овощей, однако их навыки в обработке земли сильно уступали японским, соответственно и урожаи были невысоки. Совмещение земледелия со скотоводством и коневодством давало более высокие доходы, но экономически было мало кому под силу. Даже на фоне отнюдь не богатого в те годы японского крестьянства бедность айнов бросалась в глаза. Из общего числа лиц айнского происхождения (по официальным данным, около 17 тыс., однако на самом деле, по крайней мере, вдвое больше – до недавнего времени многие это происхождение скрывали) более половины жили в городах и рабочих поселках, где были заняты непрестижными и низкооплачиваемыми видами неквалифицированного труда. К работе в сфере обслуживания, наиболее перспективной в Японии, их категорически не допускали. Явная и скрытая дискриминация айнов, пренебрежительное отношение к ним со стороны японцев были заметны во всем, и сами айны постоянно на это жаловались. От традиционной материальной культуры оставались лишь осколки. Отдельные ее черты можно было встретить в поселках в устройстве соломенных крыш самых бедных домов, в некоторых видах самодельной посуды и утвари, в типе детской колыбели. Во многих домах хранились старая одежда и украшения, иногда их делали и заново, но в качестве "концертных костюмов": многие айны летом подрабатывали исполнением айнских песен, танцев, обрядов как зрелища для туристов.

Старики еще говорили между собой по-айнски, однако с детьми общались только по-японски, и знающих айнский язык среди детей и молодежи насчитывались единицы. Чисто айнских поселков на Хоккайдо уже не имелось. Некоторые айны женились на японках. Но японцев, женатых на айнках, было очень мало. Характерными чертами их жизни являлись бедность, малообразованность, инертность, проистекающие из пренебрежительного отношения властей к сохранению языка и культурных традиций айнов, общая апатия, психологическая подавленность, влекущая за собой алкоголизм и другие социальные пороки.

После этой поездки я еще не раз бывал в Японии, однако только зимой и весной 1997 г. мне вновь удалось посетить айнские поселки, работая в Университете Хоккайдо в Саппоро. Я спланировал свою поездку туда так, чтобы она в точности повторяла маршрут 1960 г.: те же самые поселки и семьи.

И по внешнему виду, и по своему содержанию жизнь айнов за прошедшие 37 лет изменилась неузнаваемо.

В современной Японии вообще нет бедности в нашем понимании. Есть, правда, и там некоторое число спившихся людей и опустившихся до бомжевания, но среди айнов таких нет. Впрочем, бомжи есть и в благополучнейшей Швеции, так что это вопрос особый. Все дома, все фермы, почти все хозяйственные постройки выглядели аккуратно, благополучно, ухоженно. Все люди, с которыми я встречался, конечно, имели жизненные проблемы, могли испытывать определенные финансовые трудности. Тем не менее и речи не могло быть о "культуре нищеты", столь характерной для стран третьего мира, а в последнюю пару десятилетий и для России (впрочем, для малых народов российского Севера она была достаточно характерной и ранее). В целом и уровень доходов, и образ жизни большинства айнов сегодня никак не отличается от образа жизни японцев с низшей категорией дохода. Есть среди айнов и вполне состоятельные люди, занятые собственным малым бизнесом. Есть и научные сотрудники, работающие в местных музеях, но в своей работе они опираются в основном на личное житейское знание айнской материальной культуры и обычаев, а специальной научной подготовкой, как правило, не обладают. Музеев, посвященных айнской традиционной культуре, муниципальных, корпоративных и частных, в том числе музеев под

Заструженные палочки-фетиши "инау" на алтаре в айном жилище

открытым небом, появилось немало, они служат повышению привлекательности многих городов и местечек среди туристов.

Резко снизилась доля айнов, занятых в сельском хозяйстве. Если раньше каждый житель поселка трудился на своем участке земли, то сейчас это делают три-четыре семьи из 100. Притом это более крупные фермы, использующие как собственную землю, так и арендованную для какой-либо одной цели – либо овощеводства, либо коневодства (разведение скаковых чистокровных лошадей). Прочие заняты или в сфере обслуживания небольших гостиниц, ресторанчиков, магазинчиков, опять-таки ориентированных на туристов, или в художественных промыслах – резьбе по дереву, вышивке, аппликации.

Изготовление художественных изделий и сувениров было подсобным занятием айнов еще с начала XX в. Торговля художественными изделиями, ранее бывшая в руках японских перекупщиков, ныне в основном взята айнами в свои руки, а магазины сувениров можно видеть не только в курортных городах при минеральных источниках, как раньше, но и прежде всего в самих айнских поселках, где они броско оформлены с использованием традиционных фольклорных, кукольных, обрядовых мотивов.

Еще чаще, чем прежде, молодые айны покидают родные места и ищут работу в городе. Большинство работают на строительстве или водителями грузовиков. Среди таксистов и водителей автобусов я их не встречал. Видимо, все-таки негласная дискриминация сохраняется, по крайней мере сами айны в этом убеждены, хотя в отличие от 1960-х годов ярких примеров мне привести не могли. Многие айны предпочитают уехать в Центральную Японию и искать работу там. Полагаю, что тамошние обыва-

тели вряд ли даже догадываются или задумываются о том, что эти люди – айны. Существенно возросла за истекшие годы доля айнов, женатых на японках. При этом теперь это не только девушки из беднейших крестьянских семей, как было раньше, но скорее женщины, по происхождению относящиеся к нижнему слою среднего класса. И если раньше японцы, женатые на айнках, почти не встречались, то ныне их немало, и среди них есть представители среднего класса и интеллигенции – преподаватели, музейные работники, дилеры, галеристы и др.

В религиозном отношении можно было заметить, что буддийская и даже синтоистская обрядность укрепила свои позиции в семьях. Алтари соответствующих культов находятся на виду, и обряды совершаются регулярно. Айнские алтари со сделанными из обструганных палочек обрядовыми символами инау тоже есть во многих домах, но помещаются в задней, интимной части дома или у задней изгороди усадьбы.

Регулярные моления у айнских традиционных алтарей уже не проводятся, церемонии совершаются раз в несколько лет. В основном это поминовение предков (*щяруна*). Сейчас уже мало осталось стариков, которые могли бы провести их с соблюдением всех правил, а молодые люди свои познания об айнской обрядности нередко черпают из трудов японских этнографов начала XX в. Случалось, что ритуально-символический смысл находящегося на алтаре предмета, поставленного покойным дедом, мне был понятен, но молодой хозяин дома истолковать его уже не мог.

В 1960 г. мне довелось некоторое время провести в доме одного из самых больших энтузиастов сохранения айнского языка и культуры – Каяно Сигэру. Тогда это был бедный крестьянин, с трудом зарабатывавший на жизнь своей семьи земледельческим хозяйством и изготовлением резных сувениров. Он говорил мне тогда, что хотел бы и мог бы делать вещи музейного значения, но не нашлось музеев, желавших их иметь. Он мечтал о создании айнской общественной организации, издании айнской газеты, однако тогда это все казалось совершенно несбыточным.

В 1997 г. господин Каяно, преуспевающий предприниматель и известный художник, был признанным лидером айнского народа, депутатом верхней палаты парламента от социалистической партии (сенатором). Он опубликовал несколько книг, выпустил ряд учебных роликов и дисков этнографического и лингвистического содержания. Его произведения украшают ряд музеев, его семье принадлежит небольшой, очень интересный частный этнографический музей в его родном селе Нибутани. Сын его, которого я знал школьником-первоклассником, стал журналистом, и под его редакцией в 1997 г. начали выходить первые номера пока что ежемесячной газеты "Айну Таймзу" на айнском языке. Интересно, что газета выходит в двух графических оформлениях: на одной стороне текст набран модификацией японской слоговой азбуки "катакана", используемой при публикации айнского фольклора японскими исследователями, а на другой тот же текст продублирован латинской транскрипцией, разработанной европейскими лингвистами. С горечью я узнал из этой газеты о кончине Каяно Сигэру летом 2006 г.

У газеты несколько сот подписчиков, читают ее около 2 тыс. человек. Среди них немало японцев, знающих или изучающих айнский язык, а главное, немалая часть айнов, более или менее владеющих айнским языком, но изучавших его в зрелом возрасте, по существу почти как иностранный.

Быть айном, членом ныне существующей (практически как полуобщественный отдел администрации губернатора) айнской ассоциации "Утари Кёкай" сегодня означает получать существенные льготы. Однако характерно, что в тех семьях, главы которых в 1960-е годы ратовали за воспитание детей в духе айнских традиций, эти намерения не сбылись. Сыновья и внуки моих ровесников не смогли оправдать ожидания своих родителей по причине того, что ферма, бизнес, выживание забирали и забирают все время, все силы. На целенаправленное поддержание традиций, обрядности, языка их просто не остается.

В 12 провинциях губернаторства Хоккайдо существуют вечерние или воскресные школы айнского языка. На занятия приходят по 7–8 человек (в Нибутани их было больше, до 20, в силу личного авторитета Каяно Сигэру). Более половины из них не айны, а интересующиеся айнами японцы. В одном случае преподаватель – японец, изучивший язык в студенческие годы, в другом – айн, лет около 40, не говоривший по-айнски, поскольку был занят сначала в строительном, потом в сувенирном бизнесе, и лишь в зрелом возрасте решивший выучить язык благодаря своей матери. Учебники, буквари, пособия – все это в вечерних и воскресных школах есть. Вместе с тем уровень преподавания, увы, оставляет желать лучшего.

Новое японское законодательство по защите прав айнов прогрессивно по сравнению с предшествовавшим, но главного – восстановления прав собственности на прежние угодья – оно не содержит. Есть айнские ассоциации, есть айнский бизнес, есть для него существенные льготы. Эти льготы порождают ряд злоупотреблений – фиктивные браки японцев с айнскими женщинами, фиктивное зачисление в штат пожилых айнов, тогда как на деле их работу выполняют японцы, и многое другое.

Резюмируя, можно сказать, что айнский этнос по языку, бытовой культуре, религии, занятиям практически идентичен японскому. В этом плане как некая особая этническая общность он фактически не существует. Но его выделяют вновь возникшие черты: современные ценности, политизированное самосознание, чувство дискриминации или виктимизации (во многом уже надуманное или искусственно культивируемое), наличие льгот и, следовательно, коллективное требование их сохранения и расширения, общественные организации, их символика, культивация некоторых знаковых, символических признаков.

Примерно такую же или близкую к такой ситуацию можно в наши дни наблюдать и среди некоторых индейских групп США и Канады, главным образом в восточных штатах, где процессы метисации, аккультурации и ассимиляции индейского населения начались раньше, чем на Западе этих стран, и соответственно зашли дальше. Однако наряду с моментами сходства есть и черты различия.

Очень важно понять, в какой социальной культуре протекали эти процессы: в культуре вины (как все протестантские, а отчасти и католические культуры Запада) или в культуре стыда (как большинство культур Востока)? Культура вины требует открытого и громкого признания своей виновности, слезной исповеди, публичного покаяния с обильным посыпанием головы пеплом. Культура стыда, напротив, делает упор на сохранение лица, затушевывание собственной виновности, принятие неявных поправок, сохранение внешних приличий, как если бы ничего особенного не происходило. Публичное покаяние означает потерю лица и катастрофу личности (вспомним ход "культурной революции" в Китае).

Разницу двух культур отчетливо можно видеть в процессе реализации сценариев "японцы–айны" и "американцы–индейцы". Американцы – эти типичные представители культуры вины – доходят в своем покаянии перед любыми меньшинствами, не только аборигенными, но и расовыми, сексуальными и даже гендерными (феминизм мужчин, стремление предоставить женщинам все мыслимые и немыслимые льготы), нередко до уровня истеричного кликушества. Соответственно поведение меньшинств, а точнее, их экстремистских политиканствующих в США лидеров, подчас отличается крайней наглостью и распоясанностью. Это доведенный до абсурда воинствующий феминизм, сверхагрессивный черный расизм, близкое к изуверству религиозное сектантство и фундаментализм, а в аборигенном движении – воинствующий обскурантизм и гиперпротекционизм. Оба последних выражаются во введении особых, крайне антидемократических норм права на территории туземных общин и резерваций, в чудовищно антинаучной политике так называемой репатриации культурных ценностей, которая ведет к разорению музеев, к ритуальному захоронению и уничтожению собранных многими поколениями ученых бесценных этнографических, археологиче-

ских и антропологических коллекций и находок, в стремлении получить права вето на любые публикации, выставки, музейные экспозиции, которые не соответствуют идеологическим установкам местных мракобесных религиозных организаций или шантажистских элитных групп нативистского движения. Все это называется красивыми словами "affirmative actions".

Совсем иная ситуация в Японии. Японское общество с его культурой стыда, а стало быть, обязательности сохранения лица вообще, не склонно открыто признавать свои грехи. И официальные японские круги, и общественное мнение склонны по возможности не заострять внимание на прошлых несправедливостях по отношению к айнам. Прогрессивных этнологов, которые решаются говорить о них в полный голос, можно пересчитать по пальцам одной руки. Либерализация в аборигенной политике произошла только после того, как на существование национальных меньшинств Японии было обращено внимание мирового общественного мнения, в частности после того, как в 1986 г. премьер-министр Накасонэ вообще пытался отрицать их наличие.

Выражение "affirmative actions" мне в Японии не встречалось; возможно, это связано с тем, что указанные слова, согласно законам японской фонетики, передавались бы как "афуфуааматэибу акусэндзу", и японцы, чтобы не сломать язык, предпочитают не произносить их вообще.

Мероприятия по улучшению положения айнов проводятся с присущей японцам нешумной деловитостью и эффективностью, но в строго контролируемых и достаточно узко определенных властями рамках. Сами айны и их организации хотя и требуют большего, однако делают это опять-таки с соблюдением норм приличий, в разумно ограниченных пределах. Наверное, именно поэтому общий успех всех мероприятий, хотя и не грандиозен, в целом достаточно заметен и может быть отнесен к числу наиболее успешных мероприятий в этой области в мире. Пожалуй, на сходном или несколько более высоком уровне находится только возрождение саамской (лопарской) культуры в Скандинавских странах, но там и язык и хозяйственно-культурная самобытность аборигенного населения изначально сохранялись лучше.

Итак, на примере современных айнов Японии мы видим этнос, который устойчиво самосохраняется как четко выраженная совокупность этнофоров, имеющая этническое самосознание и выражающая его через особое самоназвание. Вместе с тем культурой этноса и тем более специфически этнической культурой эта совокупность уже не обладает, за исключением некоторого "джентльменского набора" показных символов, используемых в борьбе за сохранение и расширение определенных льгот и преференций. А борьбу эту, хочешь – не хочешь, вести приходится постоянно, потому что в современном глобализующемся мире, как в Алисиной "Стране Чудес", нужно довольно резво бежать уже только для того, чтобы хотя бы оставаться на своем месте.

Литература

- Арутюнов 1955 – Арутюнов С.А. Об айнских компонентах в формировании Японской народности и ее культуры // Сов. этнография. 1955. № 4.
- Арутюнов, Шебеньков 1993 – Арутюнов С.А., Шебеньков В.Г. Древнейший народ Японии: судьбы племени айнов. М.: Наука, 1993.
- Трофимова 1932 – Трофимова Т.А. К айнской проблеме // Антропологический журнал. 1932. № 2. С. 89–103.
- Arutiunov 1999 – Arutiunov S.A. Ainu Origin Theories. Ainu: Spirit of a Northern People/Eds. W.W. Fitzhugh, C.O. Dubreuil. Los Angeles: Perpetua Press, 1999. P. 28–31.
- Kozintsev 1993 – Kozintsev A.G. Ainu Origins in the Light of Modern Physical Anthropology // Homo. 1993. Vol. 44. № 44. P. 105–127.